

УДК/UDC 343.133

Формирование государственного обвинения при принятии прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела

Чич Шамиль Асланович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: chich.s@bk.ru

Аннотация

В науке уголовного процесса стадии судопроизводства рассматриваются как ключевое понятие. Структура уголовно-процессуальной деятельности выстраивается посредством анализа общих целей и задач, которые реализуются в рамках каждого этапа рассмотрения уголовного дела. В целях изучения и установления стадий уголовного процесса необходимо определить, какие задачи имеются на каждой из них. Это позволит исключить возможность неправильного выделения стадий. По мнению автора, проверку прокурором материалов уголовного дела и утверждение обвинительного заключения необходимо рассматривать как стадию формирования государственного обвинения, поскольку решения, принимаемые прокурором на данной стадии, представляют собой формирование государственного обвинения, которым завершается процесс привлечения лица к уголовной ответственности.

Ключевые слова: формирование государственного обвинения, решение в отношении поступившего уголовного дела, прокурор, этап уголовного судопроизводства.

Formation of the state accusation when the prosecutor takes a decision in respect of a criminal case

Chich Shamil Aslanovich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: chich.s@bk.ru

Abstract

In the science of criminal procedure, the stages of legal proceedings are considered as a key concept. The structure of criminal procedural activity is built by analyzing the general goals and objectives that are implemented within the framework of each stage of the consideration of a criminal case. In order to study and establish the stages of the criminal process, it is necessary to determine what tasks are available at each of them. This will eliminate the possibility of incorrect selection of stages. According to the author, the examination by the prosecutor of the materials of the criminal case and the approval of the indictment should be considered as a stage in the formation of a public prosecution, since the decisions taken by the prosecutor at this stage represent the formation of a public prosecution, which completes the process of bringing a person to criminal liability.

Keywords: the formation of the state prosecution, the decision on the received criminal case, the prosecutor, the stage of criminal proceedings.

Для определения каждого из этапов уголовного процесса необходимо установить непосредственную задачу, средства ее достижения, круг участников, структуру, момент окончания, продолжительность и протяженность стадии уголовного процесса во времени.

Ранее в науке уголовного процесса при классификации этапов уголовного судопроизводства исходили из их деления на обязательные и факультативные, обычные и экстраординарные, унифицированные и дифференцированные [1]. В сфере уголовного судопроизводства в качестве самостоятельной стадии выделяют «действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением» [2]. При этом далеко не все исследователи считают необходимым выделение данной стадии в качестве самостоятельной. Кроме того, в научной литературе крайне редко встречаются попытки установить цели, задачи и место данного этапа в структуре уголовного судопроизводства [3]. Некоторые исследователи принятие прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела рассматривают как «самостоятельную часть», выделяя отличия, связанные с тем, что на данной стадии прокурор является единственным участником по уголовному делу, а его деятельность носит не уголовно-процессуальный характер, а скорее организационно-административный [4].

Вопрос о том, насколько такое суждение является верным, остается открытым [5]. Задачи и содержание данной стадии, а также ее место в структуре уголовного судопроизводства не получили широкого обсуждения. Зачастую дискуссия сводилась к изучению обязанностей прокурора, связанных с проверкой качества проведенного расследования. При этом в науке уголовного процесса также не обсуждался вопрос, насколько цели, задачи и итоги исследуемого этапа тождественны или отличны от осуществления общей надзорной функции.

Вместе с тем существовало мнение, что принятие прокурором решения

относительно поступившего уголовного дела предусматривает определенную самостоятельность, поскольку имеет собственные задачи, сроки, варианты итогового решения. Данная точка зрения обуславливает дискуссию о том, что принятие прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела следует рассматривать как самостоятельную стадию уголовного процесса. Кроме того, именно в указанный момент происходит формирование государственного обвинения.

Иногда данная стадия рассматривается как стадия прокурорской проверки, которая связана с проверкой законности и обоснованности предварительного решения по делу.

Можно согласиться с мнением, что принятие решения в отношении поступившего дела следует выделять в качестве отдельной стадии, однако нельзя исключать также и то, что указанный этап является проверочным, поэтому, учитывая отсутствия целей задач, обозначенных непосредственно в законодательстве, можно сделать вывод о том, что он связан с реализацией надзорно-проверочной деятельности прокурора. Такое заключение приводит к выводу о том, что речь идет не о самостоятельной части, а о стадии, которая предусматривает решение самостоятельных задач предусмотренными законом методами и средствами, а также наличие особого круга участников, собственной внутренней структуры [6].

Анализируя средства, которые использует прокурор в своей деятельности, принимая решение в отношении поступившего уголовного дела, необходимо отметить, что мнение о том, что данная деятельность не носит уголовно-процессуального характера, а скорее относится к организационно-административному, не выдерживает критики. Полномочия прокурора, связанные с проверкой материалов поступившего уголовного дела, основаны на нормах уголовно-процессуального закона. Так, положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают, что прокурор вправе возвратить уголовное дело в следственный орган, направить уголовное дело вышестоящему прокурору, принимать участие в рассмотрении

судом вопроса об избрании меры пресечения. Кроме того, именно на основании норм уголовно-процессуального законодательства решаются ходатайства заинтересованных лиц. Поэтому при принятии прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела он основывает свои действия на нормах уголовно-процессуального законодательства, т. е. его деятельность носит строго процессуальную форму.

Доводы о том, что прокурор является единственным участником данной стадии, поэтому принятие решения в отношении поступившего уголовного дела не образует самостоятельной стадии уголовного процесса, нельзя принимать всерьез, поскольку на данный процесс можно смотреть шире, например отнести к кругу субъектов следователя, законность проведения расследования которым проверяется, вышестоящего прокурора, потерпевшего [7]. Принятие прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела носит уголовно-процессуальную форму. Положения уголовно-процессуального законодательства предусматривают первоначальный и последующий этапы, а также виды и порядок принятия итоговых решений. Такое положение дел в очередной раз говорит о том, что данная стадия носит уголовно-процессуальный характер, поэтому ее следует выделить в качестве самостоятельной стадии уголовного судопроизводства [8].

В науке уголовного процесса обсуждаются вопросы относительно задач указанного этапа, а также итогового решения, на которое ориентируется прокурор. При этом очевидно, что любое действие прокурора предусматривает устранение выявленных нарушений закона. Соответственно, нельзя сказать, что на данной стадии присутствуют качественно новые задачи. Цели также известны — это обеспечение законности, обеспечение объективного рассмотрения уголовного дела, а также применение ответственности при выявлении нарушений. Именно указанные цели и задачи определяют комплекс мер, действий и решений, которые выполняет прокурор на указанном этапе [9].

В целом можно сказать, что в рамках принятия прокурором решения в отношении поступившего уголовного дела реализуются такие задачи, как

проверка законности и обоснованности проведенного расследования с точки зрения выяснения и устранения нарушений законодательства, которые могли оказать влияние на утверждение о виновности лица, а также оценка качества выводов следственных органов о виновности лица посредством выдвижения обвинения и подтверждение его собранными по делу доказательствами. Утверждение прокурором обвинительного заключения — это не формальный акт, не процедура, а формирование государственного обвинения.

Таким образом, проверку прокурором материалов уголовного дела и утверждение обвинительного заключения необходимо рассматривать как стадию формирования государственного обвинения. Решения, принимаемые прокурором на данной стадии, представляют собой формирование государственного обвинения, которым завершается процесс привлечения лица к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Невский С.А., Карлеба В.А., Сирица И.В. С. А. Невский, В. А. Карлеба, И. В. Сирица ; Органы охраны правопорядка и безопасности на Кубани (вторая половина XIX - начало XX века) Под общ. ред. С.А. Невского ; М-во внутр. дел. Рос. Федерации. Краснодар. акад., Краснодар, 2003. 198 с.
2. Колесников И.В., Васечкина А.В. Проблемы качества реализации надзорных функций прокурором по восстановлению нарушенных прав предпринимателей // В сборнике: Вестник научно-технического творчества молодежи кубанского ГАУ. В 4-х частях. Составители А. Я. Барчукова, Я. К. Тосунов; под редакцией А. И. Трубилина, отв. ред. А. Г. Кощаев. 2016. С. 44-46.
3. Дашин А.В., Усенко А.С. Способы подготовки, совершения и сокрытия незаконного участия в предпринимательской деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 35-40.
4. Уголовный процесс России: учебник / Науч. ред. В. Т. Томина. М., 2017. 799 с.
5. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / Под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д, 2015. 445 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 183–193.
8. Карлеба В. А., Ильницкая Л. И., Васечкина А. В. Функционально-содержательная схема структуры предварительного следствия при формировании компетенций юристов // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 74–78.

9. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.

References:

1. Nevsky S. A., Karleba V. A., Siritsa I. V. S. A. Nevsky, V. A. Karleba, I. V. Siritsa; Law enforcement and security agencies in the Kuban (second half of the XIX – early XX century) Under total. ed. S. A. Nevsky; M-in internal cases. Grew up. Federation. Krasnodar. Acad., Krasnodar, 2003. 198 p.
2. Kolesnikov I. V., Vasechkina A. V. Problems of the quality of the implementation of supervisory functions by the prosecutor to restore the violated rights of entrepreneurs // In the collection: Bulletin of scientific and technical creativity of the youth of the Kuban State Agrarian University. In 4 parts. Compiled by A. Ya. Barchukova, Ya. K. Tosunov; edited by A. I. Trubilin, otv. ed. A.G. Koschaev. 2016. Pp. 44-46.
3. Dashin A. V., Usenko A. S. Methods for preparing, committing and concealing illegal participation in entrepreneurial activity // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 5 (41). Pp. 35-40
4. The criminal process of Russia: textbook / Scientific. ed. V. T. Tomin. M., 2017. 799 p.
5. Criminal procedure: textbook for undergraduate law schools / Ed. O. I. Andreeva, A. D. Nazarova, N. G. Stoyko, A. G. Tuzova. Rostov on Don, 2015. 445 p.
6. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 12.24.2001. No. 52 (part I). Art. 4921.
7. Isaenko V. N. Public prosecution in the system of criminal procedural functions // Actual problems of Russian law. 2019. No. 1. Pp. 183–193.
8. Karleba V. A., Ilnitskaya L. I., Vasechkina A. V. Functional-meaningful diagram of the structure of the preliminary investigation in the formation of the competence of lawyers // Society and Law. 2019. No. 2 (68). Pp. 74–78.
9. Kovtun N. N. Formation of the public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian law. 2019. No. 9. Pp. 123–137.

УДК/UDC 343

Некоторые вопросы отграничения разбоя от бандитизма

Шибалова Мария Алексеевна
студентка юридического института им. М. М. Сперанского
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия
e-mail: masha.shibalova2001@gmail.com

Удалов Максим Игоревич
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Юридический институт им. М. М. Сперанского
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия
e-mail: vika.ud@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются характерные отличительные черты бандитизма от разбоя. Рассматриваются положения норм ст. 162 и 206 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуются проблемы, связанные с такими признаками указанных преступных деяний, как вооруженность, применение насилия и цель преступления. Приводятся статистические данные по разбоям и бандитизму за 2019 г. и отмечается, что по ст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации в данном году было осуждено довольно малое количество преступников. Рассматриваются некоторые исторические аспекты возникновения и развития бандитизма и разбоя как отдельных юридических категорий. Исследуются актуальные вопросы отграничения смежных составов по субъективным и объективным признакам. Приводятся мнения как ученых-теоретиков, так и практикующих юристов.

Ключевые слова: бандитизм, разбой, организованная преступная группа, отграничение составов.

Some issues of limitation robbery from banditism

Shibalova Mariya Alekseyevna
student of the Law Institute. M. M. Speransky
Vladimir State University
Vladimir, Russia
e-mail: masha.shibalova2001@gmail.com

Udalov Maksim Igorevich
Senior lecturer of the Department of the Civil Law and Process
Law Institute. M. M. Speransky
Vladimir State University
Vladimir, Russia
e-mail: vika.ud@mail.ru

Abstract

The article analyzes the characteristic distinctive features of banditry from robbery.

<http://epomen.ru/issues/2021/58/Epomen-58-2021.pdf>

The provisions of the norms of Art. 162 and 206 of the Criminal Code of the Russian Federation. Problems associated with such signs of these criminal acts as weapons, the use of violence and the purpose of the crime are investigated. Statistical data on robberies and banditry for 2019 are provided and it is noted that under Art. 209 of the Criminal Code of the Russian Federation in this year, a rather small number of criminals were convicted. Some historical aspects of the emergence and development of banditry and robbery as separate legal categories are considered. The topical issues of delimitation of adjacent compositions by subjective and objective criteria are investigated. The opinions of both theoretical scholars and practicing lawyers are presented.

Keywords: banditry, robbery, organized criminal group, delimitation of groups.

На данный момент в научной литературе продолжают споры по поводу признаков, отграничивающих разбой от бандитизма, т. к. рассматриваемые составы имеют ряд тождественных свойств, которые затрудняют практику по их разделению. Особенно сложно правильно квалифицировать деяние, выраженное в нападении с оружием на гражданина, если его совершают двое и более лиц.

В настоящее время количество совершаемых преступлений по ст. 162 и 209 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [1] неуклонно растет. Только за 2019 г. на территории Российской Федерации по ст. 162 УК РФ было осуждено 6536 человек, из которых 4706 человек получили наказание в виде лишения свободы. По ст. 209 УК РФ за 2019 г. осуждено значительно меньше, а именно 68 человек. Можно только предполагать, сколько нераскрытых банд действует на данный момент на территории нашей страны [2].

В следственной практике также встречаются случаи неверной квалификации следователями действий виновного лица, когда специалисты оценивают действия в качестве бандитизма вместо разбоя.

Стоит отметить, что с каждым годом все большее количество подростков в возрасте 12–16 лет совершают разбой именно организованной преступной группой, которая в последующем может преобразоваться в банду. Разбой и особенно бандитизм опасны для общества тем, что данные преступления направлены на нападение на граждан, организации. Тем самым преступления, квалифицируемые по ст. 162 и 209 УК РФ, подрывают общественный порядок и безопасность. Значительное количество банд продолжает заниматься преступной деятельностью, вовлекая в свои ряды все больше и больше человек,

которые, возможно, ранее были судимы или причастны к разбою.

Вопросы разграничения разбоя и бандитизма рассматривались многими учеными, например такими, как Д. А. Гарбатович, Г. Э. Геворков, Д. М. Кокин, Н. А. Лисенкова, П. В. Максимов, М. В. Мочалова, А. В. Тистик, Э. С. Филин, В. М. Харзинова. Однако нет фундаментальных трудов, которые позволили бы разрешить существующие на сегодняшний день практические проблемы и коллизии. В связи с этим целью данной научной статьи является анализ теоретических и нормативных отличий бандитизма от разбоя.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере применения правовой нормы, устанавливающей ответственность за бандитизм, и их отличие от разбоя.

Предметом исследования статьи выступают нормативные правовые акты, а также положения юридической доктрины, касающиеся разбоя и бандитизма и отграничения данных составов.

Методологическую основу научной статьи составляют общенаучные и специальные методы познания: диалектический метод, метод описания, метод сравнения, классификация, анализ и синтез, исторический метод, системно-структурный метод, формально-правовой метод.

В России разбой является одним из наиболее совершаемых преступлений. Первое упоминание о разбое содержится в Правде Ярославичей и Русской Правде XIII в. Но стоит отметить, что в данных документах необходимым признаком разбоя являлось убийство. Чуть позже в законодательных актах XVI и XVII вв. также встречается рассматриваемое преступление. Однако чаще всего разбой применялся как понятие, тождественное другому преступлению — грабежу.

Именно в Псковской Судной Грамоте 1467 г. разбой стал обозначать похищение чужой собственности, а не умышленное убийство. Если в предыдущий период слово «разбой» обозначало убийство, то Псковская Судная Грамота рассматривает данное преступление как насильственное похищение чужой собственности, где злонамеренное присвоение принадлежащего другому

лицу имущества является целью преступного действия.

Разбой — уникальное по своему составу преступление, поскольку имеет два объекта преступного посягательства и является усеченным по составу. Однако нельзя сказать, что основным объектом при разбое выступают отношения собственности, а дополнительным — здоровье личности. Личность является высшей ценностью в правовом государстве (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Не случайно законодатель сконструировал состав разбоя иначе, чем составы других видов хищений [1].

Разбой является наиболее часто совершаемым преступлением, которое получило в последние годы особое распространение среди лиц в возрасте 12–16 лет. Объективная сторона разбоя может выражаться в трех признаках: нападение, применение насилия и угроза применения насилия, которое опасно для жизни и здоровья. Поэтому можно говорить о том, что насилие может быть как физическим, так и психологическим. Важно обозначить то, что разбой является преступлением с усеченным составом. При разбое возможно применение орудия совершения преступления, под которым следует понимать любой предмет, который используется для совершения преступного деяния. Разбой нельзя совершить по легкомыслию или неосторожности, участники данного состава имеют прямой умысел, который направлен на завладение чужим имуществом с использованием нападения.

Объективная сторона бандитизма заключается в ряде действий, при выполнении хотя бы одного из которых будет наступать уголовная ответственность, т. к. данное преступление также имеет усеченный состав. Эти действия могут выражаться в создании, руководстве, непосредственном участии в банде.

В ходе анализа уголовного законодательства было выявлено, что основными признаками, характеризующими бандитизм и отличающими его от смежных составов, является специальная цель, выраженная в нападении, устойчивость и сплоченность данной группы лиц и наличие оружия, которое преступники готовы применить в любой момент.

УК РФ при описании рассматриваемых составов содержит обязательный признак, который характерен как для разбоя, так и для бандитизма. Этим признаком выступает нападение, сопряженное с применением насилия или угрозой применения такого насилия.

Дискуссии по данному вопросу ведутся не только среди ученых-теоретиков, но и среди юристов-практиков, а именно судей. Больше всего споров вызывает такой признак данных преступлений, как нападение, которое разные ученые понимают по-разному. Некоторые правоведы трактуют нападение как самостоятельный признак объективной стороны разбоя. Другие считают, что нападение — это действие, которое состоит из двух последовательных этапов: создание реальной опасности применения насилия и непосредственно само насилие. Третьи выделяют нападение как первый этап разбоя, а насилие — как второй этап [2].

Самое понятие «нападение» имеет легальное определение, которое закреплено в п. 6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в котором говорится, что под нападением следует понимать «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения» [3].

Также общность рассматриваемых составов проявляется в вооруженности. Данный признак более присущ банде, однако и при разбое вооруженность также присутствует. В качестве примера можно привести организованную преступную группу (ОПГ), которая совершает разбой.

Самостоятельность и уникальность каждого из составов проявляется в сути вооруженности. Так, в ст. 209 УК РФ наличие оружия является обязательным признаком рассматриваемого общественно опасного деяния. При этом оружие понимается в узком смысле слова, т. е. устройство, предназначенное в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» для поражения живой или иной цели. Что касается состава разбоя, то в данном

случае в качестве оружия может рассматриваться абсолютно любой предмет, который будет использоваться для совершения преступления.

Различия между вооруженной организованной группой, совершающей разбой, и бандой рассмотрены в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». Одной из отличительных черт разбоя от бандитизма является именно вооруженность и преступная цель [4].

Следовательно, если вооруженная устойчивая группа лиц совершает нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой его применения, то такие действия виновных следует квалифицировать по совокупности преступлений (разбой и бандитизм) [5].

Стоит немного углубиться в признаки каждого из составов, чтобы понять, в чем заключается разница между ними. К признакам разбоя следует относить следующие:

1. Факт применения насилия либо угрозы применения такого насилия.
2. Цель разбоя, которая заключается в завладении чужим имуществом.
3. Наличие предмета, который преступники изымают безвозмездно и при изъятии которого причиняется ущерб владельцу данного имущества.
4. Наличие особо квалифицирующих признаков, а именно применение оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, и причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

К признакам бандитизма относятся следующие:

1. Совершение преступления устойчивой и сплоченной организованной группой (бандой).
2. Присутствие в банде двух и более лиц, т. е. совершение преступления в соучастии.
3. Вооруженность.
4. Цель разбоя, которая заключается в совершении нападения.

Субъект рассматриваемых составов также отличается. Как показывает статистика, разбой чаще всего совершают лица, едва достигшие 14 лет. Поэтому возраст уголовной ответственности по ст. 162 УК РФ значительно ниже возраста уголовной ответственности, который установлен за преступления, предусмотренные ст. 209 УК РФ. Важно заметить, что при анализе разбоя можно говорить только об общем субъекте преступления, в отличие от бандитизма. По ч. 3 ст. 209 УК РФ можно сделать вывод, что данное преступление также может совершаться лицами, которые используют свое служебное положение.

Что касается отграничения разбоя от бандитизма по составу преступления, то следует сказать, что многие правоведы-теоретики склонны считать отличием то, что по ст. 209 УК РФ предусматривается ответственность за сам факт создания банды, участие или руководство ей [6], т. е. уголовно-правовая норма о бандитизме не говорит о наступлении определенных общественно опасных последствий, и это является отличием бандитизма от разбоя. Но важно помнить о том, что оба состава являются усеченными, т. е. разбой и бандитизм будут считаться оконченными с момента начала выполнения объективной стороны.

Таким образом, можно говорить о том, что в научной литературе до сих пор продолжают споры о разграничении составов бандитизма и разбоя. Для унификации принимаемых решений было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм».

В ходе анализа уголовного законодательства Российской Федерации нами были выделены следующие основные отличия разбоя от бандитизма:

1. Вооруженность. При разбое в качестве оружия может выступать любой предмет, который используется для совершения деяния. При бандитизме оружие понимается в узком смысле слова, т. е. устройство или предмет, предназначенные для поражения живой или иной цели, например огнестрельное оружие.
2. Цель преступления. При разбое целью выступает завладение чужим имуществом, при бандитизме — нападение.

3. Субъект преступления. При разбое лицо будет нести ответственность с 14 лет, а при бандитизме — с 16 лет. Также в ст. 209 УК РФ упоминается про ответственность служебных лиц, т. е. при бандитизме может существовать специальный субъект, которого не может быть при разбое.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ae9d07f27fdoe736d95foda92e5d62311e7ea7f5/ (дата обращения: 15.06.2021).
2. Показатели преступности в России // Официальный сайт Прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 15.06.2021).
3. Мочалова М. В., Мирончик А. С. Разграничение разбоя и бандитизма // Отечественная юриспруденция. 2016. № 4 (6). С. 29–32.
4. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/ (дата обращения: 15.06.2021).
5. Лисенкова Н. А. Отграничение бандитизма от разбоя: проблемы квалификации // Научный журнал. 2019. № 3 (37). С. 48–49.
6. Гарбатович Д. А. Ошибки при квалификации разбоя // Уголовный процесс. 2018. № 2 (158). С. 46–53.
7. Тистик А. В. Разбой: проблемы квалификации и отграничения от смежных составов // StudNet. 2020. Т. 3. № 1. С. 402–406.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ae9d07f27fdoe736d95foda92e5d62311e7ea7f5/ (access date: June 15, 2021).
2. Indicators of crime in Russia // Official site of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (access date: June 15, 2021).
3. Mochalova M. V., Mironchik A. S. Differentiation of robbery and banditry // Domestic jurisprudence. 2016. No. 4 (6). Pp. 29–32.
4. On the practice of the courts' application of legislation on liability for banditry: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.17.1997 No. 1 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/ (access date: June 15, 2021).
5. Lisenkova N. A. Distinguishing banditry from robbery: qualification problems // Scientific journal. 2019. No. 3 (37). Pp. 48–49.
6. Garbatovich D. A. Errors in the qualification of robbery // Criminal procedure. 2018. No. 2 (158). Pp. 46–53.
7. Tistik A. V. Robbery: problems of qualification and delimitation from adjacent teams // StudNet. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 402–406.